

Синхронный перевод: Как это делается

И.В. Зубанова

Синхронный перевод, самый молодой из видов перевода, порожденный развитием звукоусилительной и телекоммуникационной техники середины XX века, во многом остается для наблюдателей и потребителей загадочным и непонятным явлением. Достаточно сказать, что многие участники международных мероприятий, пользующиеся услугами синхронного перевода, до сих пор искренне убеждены, что перед синхронистом в кабине лежит текст каждого выступления, которое должно прозвучать в течение дня, и что его задача сводится к тому, чтобы без сбоев и отставаний прочесть этот текст в микрофон параллельно с оратором (они путают синхронный перевод и дублирование кинофильма актером). Впрочем, есть и такие, кто считает, что голос в наушниках — функция аппаратуры, что перевод порождается и озвучивается с помощью какой-то хитрой компьютерной системы.

Но что взять со слушателей? Они, строго говоря, и не обязаны знать, как достигается полезный для них результат. Ведь не всякий абонент телефонной сети знаком с устройством телефона, да и не каждый водитель знает, что происходит под капотом автомобиля. Гораздо печальнее, что и специалисты по переводу, в том числе некоторые синхронные переводчики, по сути не очень ясно понимают, как это делается. А уж когда речь заходит об обучении синхронному переводу, часто приходится слышать: это просто врожденный талант; один человек попробует и сразу поймет, что это не его дело, а другой как

сядет раз в кабину, так и будет всю жизнь прекрасно работать, а объяснить все равно ничего не сумеет. И это при том, что во многих странах мира, включая и нашу, уже больше полувека успешно действуют многочисленные школы, где синхронному переводу обучают вполне сознательными методами, а не просто путем имитации и передачи навыка от учителя к ученику¹.

Думается, что непостижимость синхронного перевода сильно преувеличена. Многие его механизмы не так уж сильно отличаются от тех, которые используются в других видах речевой деятельности (аудировании, говорении), другим можно дать вполне рациональное объяснение. Попробуем рассмотреть основные из этих механизмов, насколько позволят масштабы этой краткой статьи.

Принципиальное внешне наблюдаемое отличие синхронного перевода от последовательного устного перевода заключается в том, что переводческие решения синхрониста должны быть приняты и реализованы сразу же, с первой попытки, без возможности ознакомиться с тем, в какой контекст оратор помещает свое высказывание, да еще и в темпе, заданном выступающим. Синхронист точно так же, как и последовательный переводчик, должен воспринять и переработать все слои и виды информации, заложенные в текст выступления оратором, и, найдя им эквиваленты

¹ В нашей стране обучение синхронному переводу в паре языков английский—русский связано, в первую очередь, с именем и наследием Г.В. Чернова.

на переводящем языке, сформировать и проговорить — высказывание за высказыванием — звучащий текст перевода. Беда в том, что в его распоряжении нет сколько-то длительного и сколько-то законченного отрезка текста оригинала.

На самом деле, вопрос о длине отрезка текста, на который синхронный переводчик отстает от оратора, был одним из первых вопросов, который поставили теоретики этого относительно молодого вида перевода. Поначалу речь шла именно о величине запаздывания между слуховым восприятием и говорением (ear-voice span). Эту величину измеряли с помощью хронометров, исчисляли ее в секундах или в количестве слогов, пытались априори определить ее оптимальную длительность. Лишь позже пришло осознание, что гораздо важнее смысловое наполнение отрезка запаздывания и что в нем надо видеть не столько неизбежную помеху, сколько единицу синхронного перевода.

Минимальным отрезком, содержащим хоть в какой-то степени законченную смысловую структуру, следует, видимо, считать синтагму, то есть отрезок звучащей речи между двумя внутривсложными паузами. Обычно такой отрезок содержит два-четыре полнозначных слова (плюс несколько служебных), смысловая и синтаксическая связь между которыми теснее, чем их связь со словами в соседних синтагмах. Межсинтагменные паузы используются говорящим для того, чтобы взять дыхание, сменить рисунок интонационной модели, выделить эмфатически маркированное слово или оборот — то есть разделить звучащую речь на синтагмы не случайно и производится оно не наблюдателем/исследователем, и не переводчиком, а самим оратором. Иногда в одну синтагму укладывается короткое простое предложение, особенно неполное по составу (*Дамы и господа! Прошу внимания. Приступаем к тайному голосованию.*). Членение более длинного высказывания на синтагмы отчасти зависит от стиля и темпа речи, от индивидуальных особен-

ностей оратора; однако в целом обычно не возникает сомнений относительно того, где проходят межсинтагменные границы. Недаром ошибки в разбивке текста на синтагмы, например, при чтении неразборчивого текста или когда читающий нетвердо владеет грамотой, вызывают смех у зрителей комедийных спектаклей — вспомним хотя бы шекспировского Мальволио, читающего письмо.

Возьмем для примера отрезки текста и пометим двумя косыми чертами обязательные линии разделения синтагм, а одной чертой факультативные, то есть такие, которые при быстром произнесении могут оказаться невыраженными, и две синтагмы сольются в одну.

Doctors / have always used blood tests // to detect disease. // Now new high-tech tests // can check for hundreds of conditions / at once. // Companies like XX and YY // draw your blood, // look for biomarkers for everything / from cancers to arthritis, // and then give you a detailed report. (Reader's Digest)

Разница в восприятии времени // имеет колоссальное значение на практике. // Западный человек / решает проблему «линейно», // «по шагам» // — от одного этапа к другому, // учитывая сегодняшние преимущества, // двигаясь прямо к цели. // Для него не столь важно, // что было вчера или в прошлом: // он весь направлен в будущее. // С русским / циклическим / представлением о времени // деловые решения принимаются иначе. // Прошлое для русских — // подоплека, контекст и основа / для любого решения. // Они не так самонадеянны / в своих планах на будущее, // поскольку уверены: // будущим невозможно управлять, // оно предопределено судьбой, // «наперед не гадай». (А. Сергеева. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность.)

Принципиальная схема рабочих процессов, осуществляемых синхронистом на каждом отрезке (масштаба синтагмы) непрерывной речи оратора, выглядит так:

1. Переводчик выслушивает одну синтагму текста оратора и принимает принципиальное решение относительно ее перевода. Решение это будет зависеть от доминирующей функции данной синтагмы; например, если доминирующей функцией окажется фатическая (привлечение внимания слушателей,

Анализ практики

заполнение паузы хезитации, самоповтор и т.п.), то обоснованным может оказаться решение либо вообще воздержаться от произнесения какого-либо текста, либо использовать то или иное компактное стандартное клише ПЯ, уместное в данной коммуникативной ситуации. В случае если доминирующей функцией отрезка является денотативная (референциальная), экспрессивная или волеизъявительная, или любая их комбинация, переводчик будет стремиться уподобить смысловую (но не обязательно формальную) структуру переводного отрезка смысловой структуре оригинала.

2. Принимая решение о формальной структуре синтагмы в переводе, то есть о ее синтаксисе, морфологических параметрах элементов (т.е. формах изменяемых слов), выборе лексем для передачи референтов и т.п., переводчик ориентируется на следующие три источника информации: а) содержание соответствующего отрезка оригинала; б) номенклатура лексических, грамматических, идиоматических и прочих средств ПЯ, имеющихся в его распоряжении; норма и узус ПЯ; в) структура одного, а иногда и нескольких предшествующих отрезков собственного уже прозвучавшего перевода. Это значит, что в «точке сборки», где ведется работа по формированию текущей синтагмы перевода, идет отнюдь не слепое «копирование» отрезка оригинала, а гораздо более серьезная и осмысленная работа, происходящая на пересечении информации из этих разных, но равно значимых источников. Заметим, что в этот момент в процессе одновременно задействована оперативная память переводчика (а), долговременная память (б) и кратковременная память (в).
3. Когда принципиальное решение на перевод синтагмы принято и произведен отбор основных элементов, которые

должны будут войти в перевод (а в их числе, помимо уже упомянутых, могут также оказаться прецизионные элементы, т.е. цифры и имена собственные, а также термины, вставные элементы (цитаты, аллюзии, идиомы), средства передачи эмоциональной, оценочной, регистровой информации), вся эта информация отправляется на исполнение в автоматическом режиме. Чрезвычайно важно, чтобы у переводчика не было необходимости на сознательном уровне контролировать процесс исполнения раз принятых решений; исполнение должно протекать «на автопилоте», освобождая сознательное внимание для других дел. Именно поэтому у переводчика еще до того, как он приступит к синхронной работе, должны быть сформированы прочные и надежные навыки активного владения обоими рабочими языками. Синхронный переводчик должен не только без ощутимых затруднений уметь пользоваться всеми грамматическими средствами своих рабочих языков, но и иметь обширный активный (!) словарный запас, большой арсенал разного рода выразительных средств, а также уметь гибко и творчески пользоваться ресурсами интонационного оформления текста перевода, позволяющими без дополнительных затрат времени принимать меры по структурированию текста и передаче целого ряда эмоциональных, регистровых и прагматических смыслов. При этом речь переводчика должна быть размеренной, без пауз и слов- (звуков-) паразитов, не слишком быстрой, удобной для восприятия и ни в коем случае не более эмоциональной, чем речь оратора.

4. Автоматическое проговаривание перевода предварительно проанализированной синтагмы, с исполнением всех необходимых норм сочетаемости, формообразования, интонационного оформления

и т.п., протекает параллельно со слуховым восприятием и подобным же предварительным анализом следующей поступающей от оратора синтагмы. Одновременно с этим переводчик формирует свой прогноз дальнейшего разворачивания текста оратором, причем на разную глубину и с разной степенью подробности. Некоторые элементы прогноза опираются на структурно-логическую и иную информацию, эксплицитно предложенную оратором: например, оратор может предварить свое выступление кратким планом или обзором содержания, или сообщить, что он намерен уделить время конкретному примеру и т.п. Другие основываются на тематической или общеэрудиционной компетенции переводчика: так, общий тон, пафос и приблизительные оценки упоминаемых в ходе выступления конкретного оратора предметов могут определяться его должностью или принадлежностью к определенной партии, организации или научной школе. Это примеры прогнозов на дальнюю перспективу разворачивания текста. Прогнозирование структуры текста на глубину порядка нескольких синтагм нередко возможно просто путем учета смысла языковых средств, употребленных оратором в начале отрезка: высказывание, видимое союзом *however*, станет контраргументом по отношению к предыдущему изложению; за каждым «*если*» вскоре последует «*то*» и т.п. Привычка формировать прогноз дальнейшего разворачивания выступления позволяет переводчику в некотором смысле заранее освоить пространство текста и повысить уровень избыточности поступающей информации. Он может теперь не просто лихорадочно пытаться воспринять стопроцентно новые сведения, а лишь отслеживать, сбываются ли его прогнозы, и даже заранее планировать

некоторые структурные элементы текста перевода.

Как мы видим, в процессе синхронного перевода происходит не только одновременное говорение и слушание. Наряду и параллельно с этим протекают еще многие процессы: расшифровка поступающей от оратора информации, сопоставление ее с информацией из других источников, принятие решений о дальнейших действиях, планирование и прогнозирование на большую или меньшую перспективу, проверка справедливости прогнозов, сделанных ранее, а также самоконтроль качества конечного переводческого продукта. Все это требует от переводчика большого объема знаний и навыков, а также умения действовать оперативно, быстро принимать решения, незамедлительно исправлять ошибки. Нужны крепкие нервы в сочетании с большой чувствительностью и развитой интуицией, постоянное присутствие духа и незаурядная выносливость. Неудивительно, что синхронисты работают в кабине вдвоем, а то и втроем, сменяя друг друга каждые 20–30 минут. И неправомочно, как позволяют себе некоторые работодатели, требовать, чтобы синхронист работал в одиночку без перерыва или во время пересменки занимался, например, письменным переводом. Такие нагрузки разрушительно влияют на психику, подрывают перспективы профессионального долголетия переводчика.

Задачи, которые решает переводчик в ходе работы над каждым отрезком текста, можно разделить на задачи этапа анализа и задачи этапа синтеза. На этапе анализа главное правильно и быстро воспринять всю существенную информацию, закодированную в поверхностных формах слов и конструкций данного отрезка, обогатить ее по возможности информацией, полученной при переработке предыдущих

отрезков текста, а также извлеченной из долговременной памяти переводчика (фоновые знания, тематическая и ситуативная информация, общая эрудиция и здравый смысл) и, если удастся, сформировать прогноз дальнейшего разворачивания текста. В принципиальной своей основе эти действия не зависят от того, с какого языка и на какой ведется перевод, — лишь бы информация, поступающая к переводчику, была понятна и доступна: звучала бы на известном переводчику языке, не перекрывалась бы шумом и помехами, не искажалась бы диалектными и акцентными особенностями речи оратора, не осложнялась бы его неудачной манерой изложения или сложностью тематики и т.п. Впрочем, не исключено, что особенности синтаксиса некоторых языков (напр., немецкая рамочная конструкция или структуры, характерные для восточных языков) ставят перед переводчиком специфические задачи уже на этапе анализа. Так что полностью отрицать необходимость учета такого своеобразия было бы опрометчиво. Когда же дело доходит до этапа синтеза, то есть до формирования переводчиком текста перевода и проговаривания его вслух, на передний план тем более выходят особенности того языка, на который делается перевод. Говоря конкретно о переводе с английского языка на русский и с русского на английский, мы остановимся в каждом случае лишь на одной из множества таких особенностей, но такой, которая играет важнейшую роль в обеспечении успешности перевода. Для русско-английского направления это проблема выбора синтаксической структуры переводного высказывания, а для англо-русского — оформление и передача актуального членения высказывания.

Принятие принципиального решения о синтаксической структуре формируемого английского предложения, в первую очередь о его предикативной основе, — это первая техническая задача, с которой сталкивается русско-английский переводчик,

причем решать ее приходится заново с каждым новым предложением. Обычно главный элемент этого решения — выбор той части исходного русского предложения, которая будет оформлена в качестве подлежащего английского. От того, какой выбор сделает здесь переводчик, будут зависеть и многие другие грамматические и даже лексические параметры переводного английского предложения.

Русское предложение, с его свободным порядком слов, с возможностью поместить подлежащее хоть в последнюю позицию (если оно является ремой), с тенденцией к использованию безличных или пассивных структур, не слишком «озабочено» проблемой подлежащего. Не так в английском языке. Фиксированный порядок слов, при котором именно подлежащее открывает предложение (ранее него может стоять только вводное слово/выражение и один обстоятельственный член), требует от переводчика однозначного выбора с самого начала процесса формирования английского предложения. Плохо то, что переводчики с родного русского на неродной английский язык нередко делают этот выбор исходя из сугубо формальных соображений: выискивают где-то в недрах русского предложения подлежащее, заменяют его в меру своего разумения английским эквивалентом, помещают это слово или словосочетание в позицию английского подлежащего (в начало) и начинают подбирать к нему другие члены предложения, несколько не заботясь о сохранности, например, тема-рематической структуры высказывания, не говоря уже о других его характеристиках.

На самом деле, русско-английскому переводчику полезнее исходить из совсем другой логики. Любое русское высказывание не просто содержит где-то на своем протяжении рематическую и тематическую часть, а с большой вероятностью «поляризовано» в своей смысловой структуре совершенно определенным образом: оно начинается с темы («старой», возмож-

но повторной, информации) и заканчивается ремой (новой информацией). Если представить себе русский текст, состоящий из таких поляризованных высказываний, то становится ясно, что смысловые структуры в нем не хаотичны, а упорядочены, как металлические опилки в магнитном поле. Это очень ценное свойство русского текста, которым переводчику не стоит пренебрегать, а следует принять как подарок и использовать в своей работе. Для этого достаточно придерживаться ориентировочного правила «оставить информацию на своих местах», т.е. по возможности не передвигать смысловые блоки внутри высказывания. В сочетании с обязательным требованием соблюдать в переводном английском высказывании жестко фиксированный порядок слов² это означает неизбежные перестройки поверхностного синтаксиса, но взамен обещает автоматически воссоздаваемую логичность смысловой структуры и связность текста перевода.

Подлежащее при такой тактике придется формировать из того материала, который русский говорящий поместил в начало высказывания. Неважно, какой член русского предложения открывал его — любой из них легко можно преобразовать в английское подлежащее. Особенно часто приходится проделывать такие трансформации с русскими обстоятельствами. Для примера рассмотрим механизмы перестройки нескольких русских высказываний, взятых из информационного текста:

а) В августе 2008 года в Пекине прошли игры XXIX летней Олимпиады.

² Вспомним, какой является фиксированная последовательность членов утвердительного предложения в английском языке: *одно обстоятельство — подлежащее — сказуемое — прямое дополнение — косвенное дополнение — обстоятельство(-а)*. Подчеркнутые члены предложения (предикативная основа) являются обязательными, остальные могут присутствовать или отсутствовать в каждом конкретном предложении в любой комбинации, но не меняя своего положения ни относительно основы предложения, ни относительно друг друга.

б) На этот праздник спорта и мира съехались многие тысячи спортсменов и сотни тысяч болельщиков со всех континентов.

в) В сценарии грандиозной церемонии открытия главная роль была отведена славной многотысячелетней истории Китая и его вклада в развитие человеческой цивилизации.

Первое предложение имеет очень типичную для русского языка структуру: оно начинается с двух разнородных обстоятельств (времени и места), продолжается сказуемым с минимальным содержанием референциальной информации (смысл сказуемого сводится к <иметь место>, в форме прошедшего времени) и заканчивается группой подлежащего, несущей рематическую нагрузку. В переводе наиболее удобно будет преобразовать в подлежащее английского предложения одно из начальных обстоятельств (*в Пекине > Beijing*), оставив другое в начальной позиции; глагол-сказуемое при этом будет согласовываться с новым подлежащим и совсем не будет соотноситься с глаголом из русского предложения. Бывшая группа подлежащего, оставаясь в конце высказывания под фразовым ударением, приобретает статус дополнения:

In August 2008, Beijing hosted the games of the 29th Summer Olympiad.

Сходные процедуры можно применить и к остальным предложениям этого отрывка. Во всех случаях процесс начинается с выявления первой — в крайнем случае, второй — номинативной группы³ в составе исходного русского предложения. Даже если главное слово группы, существительное или местоимение, стоит в косвенном падеже (с предлогом или без него), в переводе стоит трактовать его как подлежащее, игнорируя падежные формы и пред-

³ Под «номинативной группой» мы понимаем именную часть речи — существительное или местоимение — возможно, сопровождающееся зависимыми словами (определениями). Номинативная группа в целом может выступать в роли практически любого члена русского предложения: подлежащего, дополнения, обстоятельства, развернутого определения, именной части сказуемого.

логи. Решение о том, которая именно из начальных номинативных групп (или слов) русского предложения станет подлежащим английского, остается за переводчиком; на деле это зависит от того, какая из них обозначает более конкретный предмет, т.е. в наибольшей степени несет референциальную информацию. Так, при переводе предложения: «В области строительства метро Москву ждут перемены к лучшему», предпочтение, несомненно, следует отдать не существительному *область*, и возможно даже не существительному *строительство*, а слову *метро* как единственному среди них обозначению референта (предмета «затекстовой» реальности); впрочем, последние два существительных логично объединить в одном словосочетании: *Underground (transportation) construction is likely to improve in Moscow*. Сказуемое подбирается к новому подлежащему, причем хорошо, если удастся обогатить содержание глагола-сказуемого какими-то элементами референциальной или иной информации, присутствующими в исходном высказывании. Оставшаяся часть предложения в зависимости от ситуации будет оформлена как дополнение(-я) и/или обстоятельство(-а), сколь угодно распространенные и осложненные. Например, можно предложить такие варианты перевода предложений (б) и (в) в нашем предшествующем примере (через дробь приводятся варианты сказуемого):

This festival of sports and peace gathered / assembled / attracted thousands of athletes and tens of thousands of sports fans from all continents.

The grand opening ceremony focused on / centered around / prominently featured / was mostly devoted to millennia of China's glorious history and its contribution to the development of human civilization.

Как уже говорилось, перед переводчиком при выстраивании русского текста наиболее насущно встает задача обеспечения его связности при помощи механизмов актуального членения высказываний. Об этом вопросе некоторое время назад стали мно-

го писать⁴, указывая на важность тематической информации в смысловой структуре текста и на необходимость ее сохранения в переводе. Отсылая читателя к этим статьям, здесь напомним лишь, что в английском языке основным средством маркировки ремы (новой информации высказывания) является употребление неопределенного или нулевого артикля при существительных – ее носителях. Определенные артикли при этом служат для указания на «старую» (тематическую) информацию. В русском языке для этого используется другое средство – порядок слов.

Порядок слов в русском предложении, считающийся свободным в отличие от фиксированного английского, на самом деле подчинен именно задаче выявления ремы каждого высказывания. Слова или выражения, несущие тематическую информацию, в подавляющем большинстве случаев помещаются в конце, где на них падает одновременно и логическое, и фразовое ударение, в максимальной степени акцентируя информационную ценность новой, неповторной информации. За любую попытку обозначить в качестве ремы какой-либо иной член русского предложения, не стоящий в конечной позиции, говорящий (в том числе переводящий) должен «платить»: либо специальным напряжением голосовых связок, с помощью которого маркируется произвольная по позиции часть высказывания, либо введением в текст особых тематических маркеров (*именно; это (же); как раз; не кто (что) иной (-ое), как* и т.п.), что, кстати, тоже сопровождается специфическим изменением просодического рисунка. Чтобы убедиться в реальности этой «платы», достаточно сравнить размер субъективных энергозатрат на произнесение нескольких

⁴ См., например, Д.М. Бузаджи «Структуры и связи. О роли синтаксиса в переводе», «Мосты», № 4(16)/2007, а также И.В. Зубанова «“Baby in the Car” ≠ “Ребенок в машине”», «Мосты» 4(20)/2008. Обе эти статьи можно найти на сайте <http://www.thinkaloud.ru/featureak.html>.

сходных по составу высказываний, различающихся только способом маркировки ремы, например:

- а) По вечерам Маша любит читать детективы.
- б) По вечерам Маша | *детективы* любит читать.
- в) Именно детективы | Маша любит читать по вечерам.

Во всех трех высказываниях рема была выражена словом *детективы*, но для того чтобы слушатель понял это во втором и в третьем случае, говорящему пришлось затратить больше сил, чем при произнесении первого высказывания. Вероятно также, что время звучания варианта (а) оказалось на какие-то доли секунды короче, чем в случаях (б) и (в), где для передачи смысла пришлось прибегнуть к внутрифразовым паузам (их места обозначены вертикальными линиями). Такое особое интонационное выделение и паузация создают своего рода драматический эффект, который уместен в моменты наивысшего подъема ораторского пафоса, но слишком утомил бы и слушателей, и говорящего, если бы эти приемы использовались в каждом высказывании разворачивающегося текста. Короче говоря, варианты (б) и (в) переводчику на русский язык следует приберечь для особых («форс-мажорных») ситуаций, а в общем случае пользоваться вариантом (а), самым ходовым и малозатратным, но требующим четкого планирования порядка представления информации в переводном высказывании.

Это должно стать привычкой: первое, что делает устный переводчик на русский язык, это определяет часть информации английского предложения, содержащую рему, и планирует структуру русского высказывания так, чтобы соответствующая часть оказалась на последнем месте. А вперед идет вся тематическая информация, в любом разумном порядке. Главное, чтобы под драгоценным фразовым+логическим ударением не оказалось случайное

слово, не несущее рематической нагрузки, даже если именно так заканчивалось исходное английское предложение. Например, задумаемся о порядке слов при переводе второго предложения следующего отрывка из научно-популярного материала:

At the start of the 19th century, a Frenchman, Nicolas Appert, found that food could be preserved in bottles that had been boiled and sealed airtight. Within 20 years, tin-coated cans came into use.

В качестве кандидата на роль носителя рематической информации здесь может рассматриваться в первую очередь *tin-coated cans*, как название впервые упомянутого в данном тексте объекта (референта), сопровождающееся нулевым артиклем. Можно также приписать некоторую рематичность обстоятельству члену *within 20 years*, но лишь при условии, что он будет воспринят не только как информативный (сообщающий, «когда произошло событие»), но и как оценочный («как удивительно скоро оно произошло!»). Единственный член предложения, который никак не может быть истолкован как рема, это сказуемое *came into use*, хотя оно и стоит, в соответствии с нормами английского синтаксиса, после подлежащего и потому в конце высказывания. Таким образом, среди возможных вариантов перевода будут:

- а) И уже через 20 лет в употребление вошли покрытые жстью консервные банки. (лучше)
- б) Покрытые жстью консервные банки вошли в употребление *через какие-то* 20 лет. (несколько хуже, но допустимо. Местоимение *какие-то* передает оценочную информацию.)

А вот вариант (в) **Через 20 лет покрытые жстью консервные банки вошли в употребление* не может рассматриваться в качестве адекватной замены исходного английского высказывания, так как содержит грубое искажение смысла абзаца, нарушающее его связность.

Что же делать устному переводчику, если он к ужасу своему обнаружил, что начал проговаривать именно такой вариант, и поймал себя на этом, когда уже слишком поздно переходить на варианты (а) или (б)? Ведь устный перевод, в отличие от письменного, не позволяет «взять свои слова обратно» и отредактировать текст. Посоветовать коллеге можно ни в коем случае не теряться и помнить, что если уж он не сумел подставить под фразовое ударение в конце «настоящую рему», то теперь его долг избежать еще более разрушительной ошибки – нельзя позволить, чтобы ударное место в самом конце высказывания досталось тому, что точно «не рема». Пусть лучше там стоит что угодно другое – любое слово или фраза, не искажающая смысла сказанного, но при этом способная отвлечь на себя внимание: например, повторная информация, извлеченная из предшествующего контекста, но произнесенная с нажимом и апломбом, как будто ради нее переводчик и отказался от постановки в рематическую позицию наиболее очевидного элемента (как в варианте (а)).

Вот как мог бы выглядеть вариант спасения этого многострадального предложения:

г) Через 20 лет покрытые жезью консервные банки вошли в употребление в полном соответствии с открытием Аппера.

Такое высказывание, пусть оно и не соответствует в точности исходному коммуникативному намерению автора, хотя бы ему не противоречит. Переводчик в данном случае действовал по принципу «не навреди» или, вернее, из соображений «снижения вреда» для коммуникации.

Для отработки навыков подобных преобразований текста и доведения их до автоматизма начинающему переводчику можно порекомендовать простое, но эффективное упражнение: перевод с листа в посинтагменном режиме. Этот прием может использоваться как в самоподготовке переводчика, так и в виде упражнения,

выполняемого в классе под руководством преподавателя в период обучения профессии. Организовать такую учебную работу несложно. Нужен текст на том или ином рабочем языке переводчика, который не должен быть художественным (то есть таким, значительная часть содержания которого заключалась бы в его поверхностной форме и передавалась с ее помощью) или иметь явных признаков «художественности», как это иногда бывает с публицистическими текстами. К тому же на начальном этапе тренировки текст не должен быть слишком сложным в тематическом и терминологическом отношении; в дальнейшем терминологическую нагрузку можно будет повысить. Обучающийся не должен заранее знакомиться с текстом или предварительно прочитывать его. Получив в руки текст, обучающийся закрывает его листком бумаги или книжкой, чтобы не дать себе возможности заглядывать вперед, и сдвигает этот листок вниз только постепенно, открывая строчки текста по одной. Конец строки печатного текста, разумеется, не в точности совпадает с границей синтагм, но порядок величины обычно приблизительно правильный⁵. Открыв первую строку текста и глазами прочитав отрезок, соответствующий первой синтагме, обучающийся переводчик принимает решение о тактике перевода данного отрезка и сразу же приступает к проговариванию начала переводящего предложения вслух. При этом он сдвигает свой листок еще на строку ниже и, не прерывая говорения, открывает для себя материал следующей синтагмы, которую он немедленно начнет переводить, закончив с первой, и так далее. Переводящему запрещается возвращаться назад с середины предложения для того, чтобы перестроить его структуру более удобным образом (это надо было делать сразу), а также останавливаться и надолго «заду-

⁵ Если текст упражнения готовит преподаватель, то можно, разумеется, напечатать его так, чтобы каждая строка содержала ровно одну синтагму.

мываться». Также запрещаются самоповторы и самопоправки, если только они не будут оформлены как часть перевода предложения. Не допускается и передача в переводе информации из более поздних синтагм текста, пока не отработан и не проговорен материал более ранних. Разнообразные синтаксические и лексико-грамматические трансформации, при помощи которых только и можно достигнуть поставленных целей при таком жестком режиме, не являясь самоцелью, всячески приветствуются. Все применяющиеся ограничения призваны сымитировать условия работы синхрониста в кабине, где невозможно знать заранее, что прозвучит из уст оратора, и недопустимо останавливаться, долго пережидать, возвращаться вспять, «брать свои слова обратно» и т.п. От ситуации настоящего синхронного перевода посинтагменный перевод с листа отличается только зрительной, а не слуховой формой ввода информации и частичным ослаблением давления темпа поступления текста оригинала.

В таком режиме можно работать с текстом неограниченно долго, хотя на начальном этапе при работе в классе имеет смысл останавливаться в конце каждого предложения или небольшой группы предложений, для того чтобы обсудить сделанный переводчиком выбор синтаксических структур и лексических (в том числе терминологических) эквивалентов, способы передачи различных видов смыслов, допущенные ошибки и методы их исправления и предотвращения. Это упражнение призвано дать возможность начинающему переводчику на собственном опыте убедиться, какие именно приемы и структуры, примененные в начале высказывания, с наибольшей вероятностью помогут ему успешно и без сбоев закончить перевод, а также убедиться в том, что рекомендованные преподавателем трансформации действительно необходимы и эффективны в качестве основы переводческой тактики. Очень важно отслеживать,

не искажилась ли в процессе перевода смысловая структура исходного отрезка и соответствует ли коммуникативный эффект переводного текста намерениям автора оригинала, а также не допущены ли ошибки в норме и узусе переводящего языка.

С ростом переводческого опыта перевод вслух с листа незнакомого текста в темпе, не отличающемся от естественного темпа чтения или говорения, становится удобным и действенным элементом самоподготовки переводчика, тренировки в работе с материалами новой и все более сложной тематики, средством поддержания себя в форме в периоды вынужденных перерывов в профессиональной деятельности. Упражнение можно усложнить и модифицировать: чередовать языки оригинала и перевода; задавать себе более жесткие временные рамки для выполнения задания; брать и материалы, содержащие некоторое количество осложняющих элементов поверхностной структуры (стилистические приемы, игра слов, аллюзии, цитаты и т.п.); записывать свой перевод на диктофон и критически прослушивать сделанную запись, пытаясь определить, что именно вызвало «брак» в работе и как этого избежать в дальнейшем и т.п.

Наряду с другими формами подготовки и тренировки переводчика, с непрерывной работой по совершенствованию владения рабочими языками, увеличением активного и пассивного словарного запаса, развитием и углублением тематической информированности и расширением общей эрудиции, предложенный нами прием должен помочь синхронисту успешно осуществлять свою профессиональную деятельность, в основе которой **быстрое принятие и эффективное исполнение необратимых переводческих решений в условиях заведомой смысловой и ситуативной неопределенности.**